

Побережников Игорь Васильевич
д.и.н., директор, Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: pober1871@mail.ru

Проблемы и перспективы анализа российских модернизаций

УДК 930.2(2)

В докладе рассматриваются спорные вопросы и перспективы изучения российских модернизаций: масштабы исследования, хронологические рамки, движущие силы. Аргументируется возможность включения советского периода в контекст модернизационных преобразований.

Ключевые слова: *модернизация, Россия, СССР, хронологические рамки, акторы*

Одним из подходов, чувствительных как к макро-, так и к микро-уровневым измерениям, является модернизационный. Тема российских модернизаций активно разрабатывалась на протяжении последних десятилетий в отечественной литературе. В опубликованных трудах уже нашел отражение ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций. Тем не менее, сохраняется ряд проблем, требующих дальнейшей углубленной разработки.

Следует учитывать возможность и необходимость изучения процессов модернизации на разных общественных уровнях, не сводимых элементарно друг к другу. Наиболее высокий уровень обобщения — мировой, *уровень мир-системный* (функциональная специализация стран ядра, периферии и полупериферии в рамках капиталистической мир-экономики). Естественно, процессы модернизации имели различные последствия для разных стран — положительные для одних, негативные (деформации, ловушки, тупики развития) для других. Используя понятие *эпохи модерна*, мы должны хорошо понимать, что модернизация изначально носила очаговый характер, лишь со временем втягивая разные общества, до сих пор не завершив процесс тотальной современной гомогенизации. Это означает, что существовали и существуют общества, подвергшиеся в разной степени модернизации. Далее, это означает, что существовали и существуют общества, испытавшие воздействие модернизации по-разному:

включенные в эпоху модерна на разных основаниях. Наконец, это означает, что существовали и до сих пор существуют общества/сегменты обществ, сохранившие домодерные традиционные устои. *Цивилизационный уровень* фокусирует внимание на цивилизационно-культурные особенности модернизационных процессов, обусловленные воздействием фундаментальных базовых (матричных) структур и ценностей, выступающих в качестве устойчивого каркаса, ядра цивилизаций. Следствием подобного воздействия становится определенная заданность институциональной траектории развития, результатом чего становится разновекторность цивилизационных маршрутов развития. *Страновой уровень* также вносит определенный вклад в дифференциацию модернизационных процессов в страновых масштабах, что обусловлено страновыми различиями в общем уровне социально-экономического развития, размерах внутреннего рынка, времени вступления страны в промышленную конкуренцию, в выборе экономической стратегии. Необходимость исследования модернизации на *региональном (субстрановом) уровне* обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика). *Локальный уровень* представляет необъятный простор для исследований: разнообразие ситуаций модернизации (локальные агенты модернизации или ее противники; реакции локальных сообществ на модернизационные процессы, включение в них или их отторжение, переживание, приспособление, избегание и т. д.) разрастается здесь до наивысших пределов.

К числу спорных принадлежит вопрос о хронологических рамках российских модернизаций. Наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой начало российских модернизаций относится к эпохе петровских преобразований. Действительно, в петровский период предпринимаются целенаправленные попытки догнать (скопировать образцы) страны Западной Европы, ушедшие вперед, сразу в нескольких областях: военной, организационно-управленческой, экономической, культурно-образовательной; при этом преобразования даже приобретают относительно планомерный характер, пускай, скорее

в их поздней части. Далее, преобразования явно сопровождалась вестернизацией: копированием именно западноевропейских образцов, — то есть протекали в типичном для стран догоняющей модернизации варианте. Согласно другой точке зрения, старт модернизации следует отнести к XVII и даже к XVI в.

Сторонники «ранней» модернизации обыкновенно указывают на зарождение многих явлений и тенденций, таких, например, как полки иноземного строя, развитие образования и культуры, появление мануфактур-«заводов» (то есть по сути начало протоиндустриализации, пускай анклавное), еще в допетровский период. Ряд исследователей склонен относить начало российских модернизаций к различным вехам XIX в. (при этом период XVI–XVIII вв. трактуется, скорее, как эпоха продолжения прежних традиций; петровские реформы в данном случае не рассматриваются в качестве водораздела в истории России). Это может быть и эпоха Великих реформ, и рубеж XIX–XX вв. Действительно, подобный подход имеет серьезные основания. Именно в XIX в. проявляются со всей очевидностью такие модернизационные субпроцессы как: а) индустриализация (некоторые исследователи относят ее начало к эпохе промышленного переворота, старт которого традиционно датируют 1830-ми гг.; другие связывают с утверждением в экономике России модели современного экономического роста примерно с середины 1880-х гг.); б) переход от широкого использования принудительного труда и сохранения института крепостного права к рыночной экономике и применению вольно-наемного труда после «великих реформ»; в) трансформация традиционного династического государства в национальное государство (что связывается с утверждением теории официальной народности, отменой крепостного права, переходом к унификаторской имперской политике во второй половине XIX в. и осуществлением ряда мер по ассимиляции нерусских народностей); г) интенсификация процессов формирования гражданского общества в пореформенный период и особенно в начале XX в.; д) нарастание черт взаимозависимости и интеграции в области культурных и прочих взаимодействий с Западной Европой с начала XIX в. Подобное разнообразие мнений отражает, вероятно, разновременность усложнения и интенсификации реальных модернизационных процессов.

К числу дискуссионных относится и вопрос о возможности включения в модернизационный контекст советского опыта преобразований в СССР. С одной стороны, очевидно принципиальное своеобразие социалистического развития, его серьезное отличие от западных моделей: авторитарное государство (некоторые исследователи по-прежнему применяют для его характеристики тоталитарную модель); нерыночная плановая экономика; широкое использование мобилизационных методов; отсутствие демократии западного типа. С другой же стороны, принимая концепцию множественности модернов (Ш. Эйзенштадт), можно рассматривать советский вариант развития как один из путей включения в модерн. Германский историк Ш. Мерль довольно убедительно демонстрирует включенность России и в имперский, и в советский периоды в «трансатлантический» проект модернизации, в основе которого лежали идеи и ценности Просвещения: вера в прогресс, представление о том, что на основе разумной организации общества можно создать более совершенный мир; актуальность веры в прогресс для политического устройства государства, нацеленность политических концептов на преобразование социально-экономических структур; представление о том, что прогресс достижим и научно планируем и существует безграничная возможность изменять мир, опираясь на субъективную волю человека. Социолог и историк Й. Арнасон считает невозможным игнорировать модернизационную динамику коммунистической системы, продолжавшей или начинавшей модернизационные процессы, в том числе ускоренной индустриализации [2]. Он доказывает, что механизм структурно-функциональной дифференциации, хотя и в очень преобразованном виде, действовал и в СССР: таким образом, имеются серьезные аргументы для рассмотрения истории России/СССР в XX в. также в русле модернизационной парадигмы.

Одной из важнейших при изучении российских модернизаций является проблема движущих сил, ее агентов и проводников в страновом и региональном измерении. Без ее освоения невозможно понимание фундаментальных особенностей российского пути развития. Более того, данная проблема имеет и существенную общественную значимость. Одной из ключевых предпосылок успешной реализации модернизационного проекта является наличие в современном российском обществе действующих

субъектов, способных выступить акторами модернизации. Но на вопрос об их присутствии и идентификации дается множество ответов, порой полярно противоположных. Между тем, в историографии широко распространено мнение о том, что государство выступало едва ли не единственным актором российских модернизаций, как имперской, так и, тем более, советской. Однако, проведенное коллективом уральских ученых исследование продемонстрировало многообразие движущих сил российской модернизации имперского периода, отнюдь не сводимых только к самодержавному государству [1]. Да и само государство не оказалось инвариантным монолитом, обладавшим неизменными рецептами развития для всего периода истории империи. Доказано, что на самом деле стратегии модернизации менялись, государство действовало через разнообразные структуры разного уровня и разного ведомства, интересы которых (даже в рамках коронной администрации) далеко не всегда находились в гармонии. При этом показано, что вопреки концепциям о критическом своеобразии Российской империи, в частности, связанным с разрывом «большой», городской, и «малой», сельской, традиций (в терминологии американского антрополога Р. Редфилда), с крайним антогонизмом социального порядка (например, «двойная» поляризация, по выражению американского историка Л. Хаймсона) все-таки в реальности преобладало взаимодействие, причем нередко конструктивное, с обоюдной заинтересованностью, между властными структурами, местным самоуправлением, общественностью, социальными стратами.

Проведенное исследование доказывает, что за анонимными структурами и «законами развития» стоят конкретно-исторические действия исторических персонажей, осознанные или неосознанные, массовые или уникальные, что в процессе модернизации всегда шла борьба между разными силами, одни из которых всегда (или временно) поддерживали новации и структурирование новых отношений, а другие постоянно (или, опять-же, в определенные промежутки времени) отстаивали традиционные институты и ценности. Таким образом, модернизационный переход следует рассматривать как реальный исторический процесс, результирующий противоборство различных социальных и политических группировок, столкновение мнений и стратегий, полный драматизма, героических рывков вперед и катастрофических

отступлений. Это одно из перспективных направлений изучения модернизации.

Библиографический список

1. Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016.
2. Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *pober1871@mail.ru*

Problems and prospects of studying Russian modernizations

The paper deals with some controversial issues and prospects of studying Russian modernizations: the scale of the study, its chronological framework and driving forces. The author argues for the possible inclusion of the Soviet period in the context of modernization reforms.

Keywords: *modernization, Russia, USSR, chronological framework, actors*